

Михаил Бурлаков

МОСКВА-21

Михаил Бурлаков

Москва-21

«Издательские решения»

Бурлаков М.

Москва-21 / М. Бурлаков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-903844-9

Знаете, чем живет сегодня московская молодежь? Томик Достоевского? Фитнес-зал? Нет, она просиживает пары, влюбляется, ходит в клубы, гуляет по ночам и исследует то, что предлагает ей этот мир. Казалось бы, чего еще можно желать? Но это поколение тоже плачет. О чем? Почему? На эти вопросы и пытается ответить этот дневник, поэтому... Поколению Y, родившемуся в 90-х, посеянному в сердцах своих предков так много надежд и проигравшему эту войну задолго до своего рождения, посвящается...

ISBN 978-5-44-903844-9

© Бурлаков М.
© Издательские решения

Содержание

Москва 21	6
420	7
Fuckulty	13
Still loving you...	21
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Москва-21

Михаил Бурлаков

Редактор Наталья Абрамова

Дизайнер обложки Юлия Конюхова

© Михаил Бурлаков, 2018

© Юлия Конюхова, дизайн обложки, 2018

ISBN 978-5-4490-3844-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Москва 21

Поколению Y, родившемуся в 90-х, посеявшему в сердцах своих предков так много надежд, и проигравшему эту войну задолго до своего рождения, посвящается...

Хотите ли вы того или нет, но стоит признать – мир изменился...

Приношу свою благодарность людям, без которых это произведение не увидело бы свет: Макс Кладиев, Мария Шарикова, Даниил Посажеников, Давид Шахбазян, Юлия Большова, Александр Лукин, Илья Новичков, Антон Вайнгерт, Александр Сафонов, Наташа Абрамова, Нана Набиева, Филипп Левченко и многие другие.

* * *

И предал я сердце мое тому, чтобы познать мудрость и познать безумие и глупость; узнал, что и это – томление духа; потому что во mnogой мудрости много печали; и кто умножает познания, умножает скорбь. (с) Библия, книга Екклесиаста

* * *

Гибель не единственный критерий того, что плохо... Еще раз... Лучшие погибнуть на войне, чем всю жизнь работать смотрителем эскалатора в Московском метро, чем работать сотрудником ЧОПа и сидеть в охране. Каждый человек для себя интерпретирует по-разному, что чудовищно в работе... (с) Ю. Дудь

* * *

Мужчина не может жить только без той женщины, которая может жить без него. (с) А. Цыпкин

* * *

У всякого пути должно быть сердце. Если ваше сердце не начинает биться быстрее при мысли о том, чем вы заняты в этой жизни, задумайтесь: возможно, пришло время что-то менять. (с) А. Звягинцев

Все совпадения в данном произведении абсолютно случайны и выдуманы больной фантазией автора. Вся грязь взята с экранов телевизора, а весь пафос нагнан современной медиа-сферой. В действительности же реальная жизнь гораздо более ужасная и скучная.

420

*Блажен, кто смолоду был молод,
Блажен, кто вовремя созрел,
Кто постепенно жизни холод
С летами вытерпеть умел...*

*Но грустно думать, что напрасно
Была нам молодость дана,
Что изменяли ей всечасно,
Что обманула нас она...*

(с) А. Пушкин. «Евгений Онегин»

Моя история начинается где-то здесь, на окраине Москвы. Я – обыкновенный десятиклассник, в брюках, мокасах и желтом свитерке (уже слегка забив на школьный дресс-код), с рюкзаком на одно плечо иду по проезжей части бульвара где-то на окраине Москвы. Моя девушка Саша семенит рядышком по тротуару. На ней юбка, блузка, балетки и небольшой румянец от смущения, который вызван вполне нормальной для девушки в этом возрасте неуверенностью в себе. Она сразу даёт мне понять, что есть вопросы, на которые нет правильного ответа.

– Слушай, а ты испытываешь что-нибудь... ну... ко мне? – спрашивает. Почти сразу поняв, что этот вопрос – чересчур, наряду с вопросом «а ты меня любишь?», она смущенно добавляет: – Ой... ну, в смысле, я тебе нравлюсь?

– Саш, ну естественно. У меня ведь никого не было до тебя, и я тебя очень ценю, – вполне искренне, с юношеской трепетностью, отвечаю ей я.

Отойдя от школы на добрую сотню метров и спрятавшись за углом панельного дома от любопытных глаз, мы снова принимаемся сосаться, как это принято у старшеклассников. Мы периодически промышляем этим на переменах в туалетах, где-то под школьными лестницами и в самых разных укромных уголках. А что еще делать в школе? Учиться? Ну, первые пару уроков, первые пару лет – возможно, а потом наступает тупняк, голод, скука, да еще и гормоны подкидывают дровишек. Саша вообще такая девушка необычная – особенно для меня, особенно сейчас. Дело в том, что это мой первый серьезный опыт контакта с девушкой, естественно, с обменом любезностями и другими физиологическими жидкостями. Саша моя одноклассница и первый раз мы поцеловались у меня дома, когда мой школьный друг Леха, который тогда встречался с какой-то ее подругой, позвал Сашку ко мне. Достав со шкафа гитару и положив ее на колени, я постепенно заменил ее лакированный корпус намного более мягкой и приятной попкой Саши, а губы вместо нудных лиричных мотивов понемногу перешли на волнительные причмокивания. Это ведь всегда так происходит, знаете? Если есть губы – то их обязательно когда-нибудь поцелуют, а если ты все детство учился касаться струн, то в юности обязательно будешь учиться прикасаться к чьей-то заднице.

Образ Саши: обыкновенная молоденькая девчонка, крайне доверчивая, очень милая, миниатюрная, вожделенная до сказочных образов, вырванных со страниц литературной классики, активно игнорируемой нами на уроках литературы. Она ищет пленительной любви, щемящей сердце, принца на белом коне и всего в таком духе. Наверняка она ещё играет в свой кукольный домик, когда никто её не видит. Саша именно такая, какой и должна быть девочка в 16 лет, в поисках которой и заинтересованы современные кутилы за тридцать, имея в своём арсенале посаженную печень, друзей, но не дерево. Одним словом, Сашка – это абсолютная чистота, невинность и целомудренность.

Солнце ярко светит сквозь плотный слой облаков, оно уже склоняется в сторону запада. Мы же, не торопясь, в обнимочку, с толикой неуверенности в манерах, медленно вышагиваем на пару от школы до ее подъезда: я в который раз провожаю ее домой.

Мы дискутируем о всякой молодецкой фигне: кто как написал крайнюю контрольную по английскому, кто с кем встречается из знакомых, у кого какие планы на ближайшие дни, есть ли будущее у отношений Димы и Ани и прочей скучной дребедени. Вернее, вопросы в основном задает Саша, а я лишь их плавно развиваю или же сливаю, потому что думаю совершенно о другом. Ну, реально! Как будто имеет значение, что будет с Димой и Аней в итоге? Скорее всего, по причине первостепенности ряда факторов, Дима захочет совершить акт взаимного удовлетворения с Аней, если конечно он этого еще не сделал. Потом он скорее всего поймёт, что, чёрт возьми, а ведь он может сделать это и с другими девчонками. Ведь он хорош, даже слишком хорош. А допущение этой мысли уже подразумевает, что просуществует их пара не дольше первой ссоры. В дальнейшем это положит начало долгому путешествию Димы в мир женщин, в котором ему обязательно будут потрахивать мозг где-нибудь ночью в Медведково, он обязательно огребёт пиздюлей и вполне возможно даже познакомится с частным венерологом. Впрочем, Саша об этом не знает, и я не собираюсь ей об этом рассказывать. Об этом не знаю даже я, хотя уже начинаю догадываться. В юности вообще все очень просто – ты живешь себе и веришь, что друзья будут преданными, любовь чистой, а родители всегда молодыми. А в итоге оказывается, что всё несколько иначе, и ты начинаешь жить головой.

Прерывая мои размышления, Саша продолжает снижать степень актуальности вопросов:

– Слушай, это конечно странный вопрос, но мне интересно, а какое твое любимое женское имя?

Дааа... Вот я всегда почему-то знал, что все девушки одинаково хитрожопые. Любая фраза, которую они бросают – это свинцовая пуля, выпущенная снайпером по заранее выверенной траектории. Даже если стрелок этот аленький цветочек шестнадцати лет, выросший в тепличных условиях. А ты никак от этой пули не убежишь, не увернешься, все равно, что бороться с ветряными мельницами. Вопрос задан исключительно так, чтобы ответом можно было либо потешить ее самолюбие, либо явно его зацепить, сыграв при этом против своих же интересов. Третьего не дано. В результате приходится выдумывать что-нибудь сразу, либо говорить правду, жалеть, и додумывать потом. И ведь все они как с одного конвейера. Видимо это и называется женской хитростью, при абсолютном отсутствии умысла делать нечто двусмысленным.

– Саша, безусловно, – роняю я, неумело сдерживая улыбку. Я вижу, как она смотрит на меня и тут у меня в штанах начинает мягко вибрировать телефон. Я отворачиваюсь в сторону и поднимаю трубку.

– Да, алло.

– Здорово, братан. Ну что?! – слышу я игривый Лехин голос, слегка дрожащий от безудержного предвкушения тех нехитрых дел, которыми мы собираемся с ним сегодня заняться. Продолжает он уже в более тихой манере: – Слушай, ну у меня тут сейчас с собой имеется. Сможешь сегодня?

Одной рукой придерживая Сашу за талию, другой держа телефон, я старательно, пальцем пытаюсь убавить громкость его динамика – как-то слишком он орет. А Сашка ведь рядом, и она ни о чем и не догадывается. В такой ситуации я привык оправдывать себя перед другими ложью во благо. Нужды оправдывать себя перед собой пока не возникало.

– Слушай, ну давай через пятнадцать минут у падика. Я отдам тебе учебник, – не без улыбки кидаю я.

– Какой учебник? – не сразу соображает Леха, – Ааа... Ну, да, давай, отдашь, забились.

Я вешаю трубку, засовываю смартфон обратно в карман и понимаю по Сашиному лицу, что она все также беззаботна и счастлива. Мы как раз подходим к ее подъезду, и она встает на две ступеньки выше, чтобы мы смогли поцеловаться.

– Это Леша? – интересуется она, обхватив мою шею руками и притягивая к себе.

– Да, я забыл отдать ему учебник по английскому, – подчиняясь ее воле я, уже погрязнув в ее губах, договариваю: – Вот, сейчас пересечемся, отдам.

Мы еще какое-то неизмеримо долгое время награждаем друг друга взаимной лаской, держа в объятиях, перешептываемся, вспоминая всё самое смешное, что случилось сегодня. Всё как в лучших западных мелодрамах, не хватает только музыки на фоне. Затем очень мило прощаемся, а отходя друг от друга, отправляем воздушные поцелуйчики, неизменно улыбаясь. Саша пропадает за дверью и я, развернувшись на сто восемьдесят градусов, с настроением сродни солнечной погоде, припускаю стремительным шагом до облюбованного нами подъезда голубого дома, дабы предаться диковинным обрядам травокурения.

* * *

Я стремительно шагаю вдоль парка, собираясь заняться делом, за которое при определенных обстоятельствах можно уехать на срок до трех лет в места не столь отдаленные. Но я не думаю об этом. Я лишь слышал, что есть такая статья «228», столь активно используемая в лирике современных деятелей культуры. Информацию же о том, что кто-то по этой статье уезжал далеко и надолго, мы с другом решили предоставить собственному эмпирическому познанию. В старшей школе мой близкий товарищ, имея несколько тесное знакомство с одним из достаточно крупных московских барыг, начал временами доставать полки твердого или мягкого темного, гидру или обычную шмаль, собственно тем самым и дав начало нашей долгой и крепкой дружбе.

Я наблюдаю за тем, как молодёжи на улице становится меньше. Виной тому двадцать первый век, для которого осталась уже давно в прошлом крайняя информационная революция. Моя обитель, как и любой другой спальный район крупного мегаполиса, представляет собой довольно тихий оазис частной семейной жизни. За последние десятилетия в эти бетонные джунгли перебралась чуть ли не половина населения регионов. После, однажды утром уехав до самой пенсии покорять непокорную Москву, они оставили своих детей проходить бесконечные социальные институты: детские сады, школы, колледжи, университеты. Мы дети девяностых. Поняв к концу нулевых тот факт, что знания можно получать не только в школе, и не столько в школе, мы начали промышлять стандартными историями этого возраста и уж определенно этого времени. Мы прогуливали уроки, начинали тесно общаться со всеми, до кого только могла дотянуться наша любознательность, пробовали во дворах и на лестничных клетках разные вещи, которые предлагал нам этот мир, в частности – наше общество. А предлагал он нам тогда немного. Черные гриндерсы с бомберами, фанатские шарфы, ирокезы с косухами, все эти контркультурные атрибуты в нашем мире были уже давно сняты с себя, или же перешли в нечто пассивное. Нашему же поколению остались куски, коробки, косяки, бутылки с дырками, папиросы, кеды Converse и кофты Lacoste, а также другие прелести сытого урбана. И это было только начало. А как же все-таки неудержимо в познании наше сознание, когда дорвется...

Именно к этому поколению москвичей мы и относимся с моим другом. Он, по правде говоря, отпетый футболиста, а я в последнее время как-то больше по классическому боксу. Уж нравится мне больно, когда больно.

Я перебегаю проезжую часть двухполоски, проскакиваю сквозь арку четырнадцатэтажного голубого дома и подхожу к подъезду, у которого уже ждет меня Леха, набравший по домофону очередные по порядку цифры:

– Салют, братка, – мы пожимаем друг другу руки и приобнимаемся. Тут он добавляет уже в домофон: – Откройте, пожалуйста, это почта.

Тяжелая входная дверь начинает пищать, слышится, как у кого-то на ушах вновь повисает лапша, и нас засасывает в уже ставший родным проём. Побystрее взмыв на шестой этаж по лестнице, мы садимся на уже истертые нами до блеска ступеньки между этажами и начинаем приготовления.

Леха достает из бумажника маленький сверточек фольги, величиной меньше колпачка от ручки. Распеленав его, он вдыхает аромат содержимого и протягивает мне:

– Ааа, хороший, твердый. Маркус на днях подогнал. У меня тут чуть меньше грамма.

– Ништяк, – отвечаю я и утыкаюсь носом в этот шмоточек абсолютного зла современной подъездной России, стимулируя рецепторы этим привычным запахом еще не сожженной резины. – Слушай, а почему мы у тебя не дуем на лестничной?

Довольное лицо Лехи приобретает задумчивые черты:

– А там надо наверх идти, не будем же мы прям у моей квартиры, – улыбается он. – Плюс наверху нарики живут. Помнишь, когда мы на крышу поднимались, там на последних этажах сплошные шприцы и осколки валялись. Ребята на гере сидят плотно.

– Логично.

Я ловким движением достаю зажигалку и начинаю дырять бутылку Aqua Minerale у основания. Завершив процесс, я оставляю ее на полу и в который раз сажусь на корточки между пролетами у ступенек. В любом деле распределение ролей является наиважнейшим фактором, определяющим успех. В нашем же случае успех был предопределен: Леха варил, а я крапал.

Уважаемые читатели, здесь изначально должен был быть фрагмент текста, детально описывающий всю технологию процесса, о котором идет речь. Но поскольку публицистика вещь социально ответственная, то спешу сообщить, что данное произведение никого не призывает заниматься подобными вещами, а наоборот предостерегает от этого, и советует лучше читать книжки об этом. К тому же, наверняка, вы и сами все прекрасно знаете

– Так, готово. Давай, начинай, – полушепотом произношу я.

– Угу, – буркает Леха, затягивается, стряхивает пепел и одним касанием сигареты цепляет плод моего труда, затем дотягивается до бутылки и начинает варить. Продолжая делать свои несложные механические действия, я решаю вывернуть слегка свой внутренний мир наизнанку:

– Слушай, я тут с Катей попал в засаду. Она ведь сейчас с Матвеем, но я так прусь с нее, нереально. Они еще меня всегда гулять с собой зовут. И в школе она мне помогает. Говоря в общем – пиздец и ахуй, не знаю, что с этим делать.

– Хм... – протягивает Леха, выдув первый дым. – То есть ты в неё втюрился? В девушку друга?

И тут пелена спадает, нейронная цепь замкнулась. В жизни часто так случается, что пока кто-то не обратит твое внимание на обстоятельства под прямым углом, твое сознание, то ли случайно тупит, то ли нарочно не хочет даже и близко ничего слышать. Ты будешь с упорством идиота голословно доказывать свою веру в любовь, и лишь докажешь себе обратное. И в результате приходишь к тому, что нервы не восстанавливаются, восстанавливаются только органы дыхательной системы.

– Чёрт возьми, в какую жопу я попал. Я ведь при этом еще начал встречаться с Сашей и теперь даже не могу вкурить, как поступить правильно и чтоб при этом никто не пострадал. Че думаешь по этому поводу, братка?

И я действительно подзамораживаюсь на этот счет. К нам в этом году перевелась девочка Катя, которая до этого всю жизнь жила и училась где-то в каких-то Хельсинках, а теперь в мгновения ока мы с ней оказываемся в одном классе и я кладу две вещи: глаз на неё и болт на учёбу.

Без понятия, чем научно объяснено мое влечение к ней: тем, что по утрам мой младший товарищ любит подниматься раньше меня, или тем, что все мы хотим в этом возрасте самоутверждения, признания и статусности. Однако меня успел обогнать на вираже Матвей, который сразу же предложил ей встречаться. Поэтому, не перестав проявлять к ней знаки внимания и общаясь с Матвеем, я каким-то чудом свалился в этот гадкий омут чувств, изначально носивших созидательный характер. В это же время я начал очень близко общаться с Сашей, лучшей подругой девушки этого самого Лехи, с которым мы в данный момент ютились между пролетами на лестничной площадке крайнего подъезда дома где-то на юго-востоке Москвы. В результате получилось, что я влюбился в девушку одного друга, начал встречаться с подругой девушки другого друга... И меня как-то все это подзагнало. Все получалось примерно, как в той песне Noize Mc:

«Друг подруги телки брата все подруге перескажет,
Та расскажет телке брата, ну, а брат пиздеть не станет»

Лёша заваривает следующую, легкой рукой протягивает мне бутылку и отвечает:

– Слушай, братан, ну решать тебе в результате, сам понимаешь. Я могу сказать только свое мнение. Забей и расслабься. Вот посмотри на меня, мне все вообще похеру. А по поводу этой Кати – мне она сразу не понравилась почему-то. Какая-то она хитровыдуманная, так что ты будь поаккуратнее.

Поаккуратнее... Я, может, и был бы поаккуратнее, если бы в этот же момент не открывал крышку бутылки и не проглатывал в себя 0,5 густого едкого дыма. Но выбор сделан, а дыхание задержано секунд на семь.

Как только я заканчиваю процедуру, мне сразу становится как-то проще.

– А знаешь что, погнали сегодня в кино!

Через несколько минут каннабинол начинает оказывать влияние на центральную нервную систему и меня слегка поднакрывает. Седатив начинает работать. Кровь разносит по организму психоактивное вещество, потребленное в обильном количестве, и все сразу становится так неважно. Неважно кто с кем встречается, кто в кого влюблен, кто чего хочет и все остальное. Остается лишь пустая лестничная клетка с маленьким приоткрытым окном-форточкой, сквозь которое струится весна, манящая нас покинуть помещение и отправиться навстречу неизбежному. Стоит один раз попробовать крепкий галлюциногенный, как приоритеты в жизни сразу меняются. Мы скуриваем еще немного и продолжаем вести беседу.

Хотя я и слышал про то, что у стен есть уши, однако я никак не ожидаю того, что происходит дальше. Метрах в пяти от нас распахивается дверь, выводящая к лестнице из холла с лифтами, и на пороге показывается мужик лет сорока в трениках, тапках, майке-алкоголичке, такой характерный типаж, очевидно решивший так не вовремя для нас выйти покурить. Видя нас, он останавливается как вкопанный, явно не ожидая нас здесь увидеть, потом начинает смотреть то на нас, то на бутылку в руках у Лехи, то снова на нас. Далее он начинает вещать, издавая шумы и помехи, как старое сломанное радио, потихоньку переходя от спокойного и удивленного голоса, до орущего в полную силу баса:

– Вы че... совсем охерели торчки долбанные?! Наркоманы мать вашу! Вам что тут наркопритон?!

Мы с Лехой, даже не переглянувшись, интуитивно решаем спастись одинаково. Я хватаю оставшийся кусочек квинтэссенции зла текущего момента, он бросает бутылку, и мы со всех ног бросаемся бежать вниз по лестнице, перепрыгивая через три ступеньки и громя металлические перилами. Слышно, как мужик бежит за нами, изрыгая трехэтажным матом всевозможные проклятия, но в скорости он нам явно проигрывает, потому что нет быстрее человека, чем школьник, которого спалили за чем-то противозаконным. Выбивая ногой входную дверь, мы убегаем на несколько сот метров от подъезда и прячемся за другим домом.

– Бля, это пипец! – с легкой отдышкой выдыхаю я. – Как?!

– И не говори, откуда он выполз вообще, тихо все ж было.

– Че он вообще наехал на нас? Ахах, – меня вдруг прорывает на безудержный смех откуда-то изнутри, и я, поддавшись, заливаюсь им.

Глядя на меня Леха тоже не может сдержаться, и мы оба начинаем катиться со смеху, прижимаясь спинами к бетонной стене дома. Мы угораем и гогочем во весь голос, согнувшись в три погибели. Слезы заливают мне глаза, но я все равно не могу остановиться, настолько это весело.

Над головой ни облачка, люди вокруг куда-то исчезли, и такое ощущение, словно время остановилось, настолько жизнь кажется прекрасной. И я, очевидно, в один из немногих раз в своей жизни, ловлю себя на чувстве полнейшего бескомпромиссного счастья. Такого счастья, которое пронизывает тебя всего такой приятной доброй теплотой, и ты чувствуешь каждым наносантиметром своего тела, что все обязательно будет хорошо, ведь иначе и быть не может. Именно здесь и сейчас, находясь под палящим, слегка соблазнившимся закатом солнцем, где-то на окраине столицы со своим школьным товарищем, держась за сводящий судорогой живот, я ощущаю это великое чувство.

Учитывая тот факт, что нас неплохо так надуло, мы смеемся очень долго. Затем, когда у нас уже получается более менее шевелить языком, Леха выпрямляется, лицо его делается несколько серьезным, и он произносит:

– Братка, давай пообещаем друг другу, когда бы и что бы в нашей жизни не случилось, как бы мы в будущем не поругались с тобой, мы всегда найдем в себе силы простить друг друга, позвонить, поговорить, и в итоге остаться друзьями... лучшими друзьями.

Видно, что его только что резануло то же самое чувство, что и меня.

– Ты конечно как скажешь чего-нибудь, братэлло, – говорю я заплетающимся языком, улыбаясь и пытаясь осознать всю беспрекословную ценность момента. Повременив немного, я отвечаю: – Ну, конечно же, я всеми руками за. Впервые за все время нашего знакомства ты предложил что-то невредное для здоровья.

И мы, заржав в голос, приобнимаемся.

Fuckulty

То, что делается с вами здесь, делается навечно.

(с) Дж. Оруэлл. «1984»

Я разлепляю глаза. Похоже, это был всего лишь сон. Я сижу, уткнувшись лицом в скрепленные на задней парте руки. Наш курс сейчас на лекции по «Управлению чем-то там» в поточной аудитории типа амфитеатра. Меня будит, толкая в бок, Ванек, мой однокурсник.

Сперва я поворачиваю к нему свою заспанную и недовольную физиономию, но затем чувствую, что стало как-то поразительно тихо.

– Молодой человек! – раскатистым высоким голосом доносит женщина снизу: очевидно, наша лекторша.

Я поворачиваюсь к ней и указываю на себя пальцем, всем видом демонстрируя вопросительную интонацию.

– Да-да, именно Вы. Доброе утро. Спешу Вам сообщить, что у вас сейчас проверочная работа по пройденной лекции.

Я слышу недовольные стоны, вздохи и демонстративные ерзанья за партами, хотя знаю, что большинству совершенно фиолетово на то, что сейчас будет, и будет ли вообще, потому как 90% нашего потока даже не посещало бы эту пару, не любя этот лектор давать неожиданные контрольные, результат которых должен влиять на итог семестра. Наш препод, а вернее преподша – молодая девушка лет тридцати, явно страдающая комплексом неполноценности от отсутствия половой жизни, и потому считающая нас обязанными хоть как-то восполнять эту недостачу. Вся поточка начинает галдеть, и мой оправдывающийся тон заглушается звуком выключающихся айфонов и обтирающих сиденья задниц.

Я тут же запускаю механизм поиска вариантов списывания, опрашивая сидящих вблизи, какую тему мы сейчас проходим. И пытаюсь по глазам понять, кто в ней хотя бы немного шарит и готов на безвозмездный бартер.

Пока я этим занимаюсь, мой товарищ Ванек, видя, что я пришел в себя, неумоимо начинает повествование о своём романтическом опыте с девушкой. Ситуация следующая: он уже около года живет с девушкой, и уже около года, как стал чаще прибухивать и выплескивать эти нравоучительные сентенции мне на редких парах. А поскольку я не большой фанат историй чьих-либо отношений, то я в это время активно практикую пропускание чего-то мимо ушей. Тем не менее, сейчас я вполне себе с пониманием и даже сочувствием слушаю его краем уха. Он как-то на похуй сообщает мне о новых приключениях, которые он претерпел на днях, а именно – обыкновенная бытовая трагедия про то, как его Даша любит иногда копаться в его телефоне без его ведома:

– ...вот, представляешь, я беру телефон и вижу, что сообщения открывались. А я-то помню, что всегда закрываю все вкладки. И в этот момент я вновь вспоминаю, как же меня бесит, когда эта ревность переступает черту. Короче, не знаю, что с ней делать, пока вот бойкотую.

Я отвлекаюсь от своих неудачных попыток нарыть нам какой-нибудь быстрый вариант списывания:

– Ванек, сколько ты мне уже про эту тему лечишь, я все одно не пойму, на кой ты с ней вообще до сих пор встречаешься?

– Потому что, братан, во всём есть свой изъян. Ты либо как я живешь с одной офигительной девочкой, которая дает тебе все что нужно, и у вас охуенный секс, и в плане мозга тоже, либо как ты живешь в съемной квартире холостяцкой жизнью и плачешься по утрам

в выходные о том, какой ты ненужный и одинокий. И так и так стабильность есть, но я думаю, что твоя стабильность – это стабильная шляпа.

– Окей, а почему ты просто не поговоришь с ней вместо меня? Я ведь не умею ни ванговать, ни заговаривать. А так бы побеседовали, пришли к консенсусу.

Тут Ваня бросает на меня взгляд, словно я спорил какую-то чушь:

– Братан, ты о чем вообще? Я столько копий сломал, без толку. Я уже давно пытаюсь понять как устроен мозг женщины, и всё больше убеждаюсь, что это невозможно.

Тут лекторша объявляет, что она не пошутит, и у нас действительно будет десятиминутная проверочная – спасибо, естественно, мне. Она делит нас на варианты, исходя из своих личных детских травм, и называет по три вопроса каждому варианту. На вопросы нужно отвечать открыто. Но как я частенько убеждался, правильность ответа не гарантирует успешность исхода, особенно в моем случае, поскольку лекции этого предмета я либо прогуливаю, либо использую их как площадку для физического восстановления.

В этот раз нам с Ваньком серьезно фартит, потому что ниже нас в аудитории сидит отличник, весельчак и рубаха-парень Николай (явный школьный медалист). Коля всегда в очках, свеженьком, но колхозном свитшоте, как сейчас стало модным говорить, потертых то ли от времени, то ли от отсутствия ухода джинсах и с нестираемой улыбкой на лице. Коля почти всегда помогает по учебе, если его вежливо попросить. Именно поэтому всегда есть причина отнестись к нему хорошо. Наверное, именно его безотказность и понимание во всем делают его отличником, покладистым человеком и приятным собеседником. С ним очень сложно поссориться, практически невозможно, но, наверное, поэтому и не хочется.

В результате мы с Ваней, переформулировав, скатываем у него все, что можем расшифровать из его кривого почерка, на что-то отвечаем сами, расплывчато и по-философски. После спускаемся к кафедре и сдаем свои работы в числе первых. Лекторша с недоверчивым презрением быстрым взглядом проглядывает их и молча кладет к другим.

Мы шустро покидаем аудиторию и спускаемся на улицу. Вынимаем из широких штанин красный Мальборо, закуриваем и начинаем обсуждать, кто что написал, какая лекторша все-таки озлобленная бабища, и как нам не хочется на следующую пару, ведь погода такая отличная.

Сейчас у всех закончилась первая пара, и поэтому уйма народу компаниями высыпалась из главного входа потабачить. Все обсуждают примерно то же самое, что и мы с моим другом, слегка меняя трактовки и подбирая фразочки, похожие по смысловой нагрузке на «Блин, нам еще целых три пары» и «Пошли, может в Шоколаднице посидим». И все эти немногочисленные реплики звучат на фоне томно курящих девушек в тренде, обутых в высокие ботильоны и с сумками от Michael Kors, и пареньков в Airmax'ах и футболках с глубокими вырезами и закатанными рукавами. Хотя на самом деле у нас на факультете не так много мажоров, пытающихся казаться обычными студентами, но зато хватает обычных студентов, пытающихся казаться мажорами.

Ах да, забыл представить самого себя. На текущий момент я студент одного из ведущих и самых престижных московских Вузов. Я живу в съемной квартире, за которую плачу своими подработками, но в основном материально мне, конечно же, помогают родители. В свободное время я похаживаю в зальчик, посещаю клубы, театры, вечеринки, общаюсь с друзьями и пытаюсь, как говориться «не париться», что у меня достаточно неплохо получается. К сожалению размен второго десятка в г. Москва не оставляет мне шанса не пересмотреть свои взгляды на детские мечты, которым присущи повальное общественное счастье и скорый успех, и которые все же не покидают меня и теперь. В общем, я довольно-таки среднестатистический мегаполисный молодой человек. Меня обеспечивают родители, у меня нет абсолютно никакой мечты, в свободное время я залипаю на ютубчике (новый признак этноса – подписка на ютуб), у меня перманентный недотрах, и меня больше ничего не ебёт.

Я учусь на отделении «Менеджмент», которое стало бешено популярным за последнее десятилетие. Некий анклав избранности, ну или клоака популярности, кому как больше по душе. Каждое высшее учебное заведение, которое переименовалось теперь в «университет» или «высшую школу», заимело с недавних пор такое направление обучения. Теперь вся городская молодёжь, совершенно не зная, чего она хочет и, не желая учиться, либо же имея богатых пап и мам, считающих, что их детям нужна «корочка», устремились в это русло, стараясь занять чем-то свое время, чтобы показаться значимым. А именно процессом, которое называется «обучение» или же «получение высшего образования».

Я веду к тому, что образовательный процесс у нас в стране это карнавал абсолютного чистого лицемерия и ханжества. Этот состав наемных низкооплачиваемых работников, они наверняка получили весьма сомнительным образом бумажки об их ученой степени, которые дают им официальное право претендовать на статус компетентного знающего специалиста своей области. Они пытаются организовать учебный процесс по их предмету таким образом, чтобы донести молодняку нового поколения, что именно их предмет самый важный, и что именно они дадут нам то, без чего, по их мнению, не сможет обойтись любой современный бюргер. Эти самоуверенные преподаватели, куда уж им. Как будто они познали что-то такое, что их ставит во главу угла. Пытаются научить нас, «будущую элиту нашей страны», как они сами нас называют. Хотя по факту просто заставить массы нашего поколения посещать их занятия, а не теряться по подъездам с сомнительными компаниями приспешников или же разбрасывать молодость за монитором. Мы не знаем, чего мы хотим и кем хотим стать. Мы поколение, которое не умеет и не хочет работать. С детства нам говорили, что нужно состояться в жизни и для этого нужно высшее образование – и вот мы прокрастинируем и думаем о том, как бы нам состояться, причем уже даже не сегодня вечером, а здесь и сейчас в соцсеточке. К тому же, как можно искусственно заставить нашу прогрессивную молодежь обойти стороной естественные научные эксперименты, предлагаемые им урбаном в здешних укромных местах? К сожалению, такой бесполезной, отчасти, видится мне наша система образования 21-го века. Это чистый инструмент капитализма, развивающийся, как говорят, по западному образцу.

Вот и сейчас, не изменяя своим взглядам, я с Ванькой докуриваю сигарету. Настроение под стать погоде, как бабье лето, Москва еще не теряет своих летних красок и пахнет пылью дворов и теплом раскаленного под палящим солнцем асфальта. И под этим куполом жизнь кажется невероятно счастливой и полной бесконечного вселенского благоденствия.

Через какие-то мгновения в холле первого этажа я встречаю ее. Она в окружении подружек, чьи заигрывающие манеры нагоняют неутолимое сексуальное влечение. Эту прелесть зовут Вика, и я наглухо врубился в неё, мча по этой эстакаде жизни. Это, конечно, херово, я и сам это знаю. Но что бы ты в своей жизни ни делал, совсем избежать этих классических камней преткновения, увы, никогда не получается. Именно поэтому я стою как-то невнятно, придуковато застыв в эстетическом экстазе, и по-идиотски улыбаюсь ей, идущей мне навстречу. А она вся такая внезапная, с белоснежной улыбкой на контрасте с сильным манящим загаром, словно ее вырвали откуда-то с жарких тихоокеанских берегов в одном бикини, одели во что-то городское и пустили сюда продефилировать. Совершенство во плоти! Мне даже чудится, что по моему подбородку течет слюна и капает на пол. Я как-то теряюсь и онемеваю. И во всем этом великолепии и полуденном студенческом сумбуре есть какая-то прелесть, и каждый момент ощущается на вес золота.

Наше общение набирает обороты в течение последних двух недель с начала учебного года. Особенно после того, как я ее увидел на самой первой лекции, когда мои глаза были прикованы только к ней. После всей этой скукоты первых дней обучения мы с ней каким-то образом словились, начали общаться и потом оказались в Starbucks (гигантской корпорации, замаскированной под домашнего питомца с этими навязанными всем зелеными передниками и беспонтовым кокосовым сиропом). Ситуация развивалась стремительно. Видимо я

в ней тоже пробудил нечто, мы взяли по кофе и сидели за столиком долго-долго и о чем-то бесечно общались, стараясь найти те ниточки, за которые все так или иначе цепляются, когда не могут противостоять своей природе. Я сидел, положив голову на ладонь, замороженный, и молча, с упоением, слушал, как она по-женски эмоционально, делая акценты, со скачущей из-за этого интонацией, перескакивая с темы на тему рассказывала мне о своем лете, о море, о прошлом, о планах, о семье, обо всем, что можно всегда называть в этой жизни главным. Всегда называть – никогда не ошибёшься.

Так началась вся эта недолгая, но насыщенная событиями история, мы пересекались в вузе, переписывались по ночам, гуляли, созванивались, делая друг другу комплименты, даря улыбки где бы то ни было.

И вот сейчас она идет ко мне навстречу и произносит, словно окатывая меня с ног до головы чем-то солнечным:

– Приветик, ты как?

Она быстро подходит и мы, здороваясь, целуемся в щечку.

– Лучше не бывает, – вставляю я в образовавшуюся пустоту первое, что приходит мне в голову.

Меня так и тянет к ней, но мы еще пока не вместе, и потому бросаться на нее на виду у всех некультурно, тем более, можно спалить свои чувства, которые тебе еще обязательно потом припомнят. Мы все всегда говорим про гуманность, толерантность, заботу о других, прикрывая все человеческим фактором. Потом же, когда жизнь затрагивает голый нерв, в нас вселяется эгоизм и лицемерие, которые почище самой прожжённой привокзальной шлюхи, насильно используют нас и уходят.

Вокруг нас изнуренные чередой пар студенты постепенно заполняют собой пространство, тем самым лишая воздух кислорода, а нас интимности момента. Я стою, общаюсь с Викой о всякой беллетристической чепухе и ощущаю себя немного задыхающимся от этой большой залы первого этажа, забитой бесконечным морем тел.

– Вик, а давай сбежим отсюда, – говорю я, прервав ее размышления вслух.

Вика обрывается на слове, но делает это так изящно, словно так и должно было случиться. Она плавно размыкает губы, чтобы ответить мне, но из ее уст ничего не вырывается, она просто смотрит мне прямо в душу своими глубокими, как океан, глазами, преисполненными смысла. Тут же уголки ее глаз морщатся, а уголки рта разъезжаются в разные стороны:

– Давай.

* * *

Через какое-то время, совершенно не замеченное рядом друг с другом, мы валяемся на металлических балках Пушкинского моста в парке Горького, на самом высоком месте. Солнце в зените, я в джинсовых шортах, а Вика в краске от того, что я завалил ее комплиментами, на которые она не смогла отреагировать иначе. На небе, зараза, когда не надо – ни облачка. Нас уже чересчур пригрело это сентябрьское солнце, и мы слегка взмокли, находясь на этой высоте, и мы продолжаем обсуждать всякую всячину в безмятежной суете вокруг, которая нас совсем не задевает.

Девушки всегда становятся такими, даже если на них просто смотреть. Рано или поздно они становятся обязательно маняще привлекательными, крайне теплыми, и в конечном итоге влажными, а при этом всем еще и до жути говорливыми, и неважно где это имеет место – дома в постели или здесь, на высоте нескольких десятков метров.

Я рассказываю Виктории о своих смелых планах на будущее: о том, как я открою ресторан в центре Москвы, куплю домик в Подмосковье и стану очень крутым писателем. А до этого я завоюю все золото мира в испытаниях, которые мне уготовила судьба. Вика же в свою очередь,

рассказывает мне про свои амбиции, про то, как она хочет пойти работать ивент-менеджером в какую-нибудь крупную компанию, ну или же просто заниматься планированием, организацией и проведением разнообразных проектов, и что ей это очень интересно. Еще она говорит, что точно не собирается заводить в ближайшем будущем детей, хочет стать бизнес-леди, заниматься исключительно своей карьерой, и выйти замуж годам к тридцати, потому как не хочет зависеть от кого-то. Она рассказывает о своей семье и о той семье, которую она хочет создать в будущем. О чем бы она ни говорила, она подробно описывает все детали того, о чем говорит. Картинка в голове создается сама собой. А я лежу и удивляюсь, насколько точно она знает, чего хочет и насколько она целеустремлена. Я удивляюсь тому, как молодая девушка так сильно хочет чего-то добиться в этой жизни в этом городе, где у нее уже практически все есть.

Я оглядываюсь по сторонам. Мы словно на крыше этого мира. Под нами проходят парочки, по обе стороны от нас раскинулась полноводная река. С одной стороны за Крымским мостом блестит купол храма, с другой – река заворачивает за угол, неся свои воды к главному зданию Университета.

В следующий раз я уже ловлю свое сознание на моменте, когда мы спускаемся по эскалатору с моста и телепаем до ее слегка подбитой Toyota, которую отдал ей ее папа. Мы запрыгиваем в машину и долетаем до её Новых Черемушек, останавливаемся где-то, чтоб никому не мешать, и общаемся сидя в машине:

– Так ты из этих краёв? – говорю я, как только мы останавливаемся. Я впервые за свою жизнь здесь, и мне здесь уже нравится, хотя, понятное дело, с ней бы хоть на край света сейчас. Живи она где-нибудь в Бердицево, я был бы один хрен счастлив быть там с ней рядом.

– Ну так, да. Тебе здесь нравится? Мы давно уже живем здесь, всё очень удобно. Вон в ту сторону наш универ, вон там Илонка живет...

Тут бренчит ее айфон раскрученной по радио песенкой одной из ста пятисот зарубежных поп див, и она поднимает трубку. Ей, очевидно, звонит мама, и ее нежный голос, который слегка груб для классического женского, хотя от этого не перестает отдаваться в моей голове приятной мелодией, мягко доносит информацию, что она уже недалеко от дома и скоро будет. Попрощавшись, она вешает трубку и продолжает:

– Слушай, меня мама попросила поскорей домой.

– Да, сейчас скоро пойду уже...

Я сижу на соседнем пассажирском кресле и смотрю на нее, ее очертания меня завораживают: осеннее бежевое пальтишко, джинсы, руки, недавно поставившие машину на ручник, а теперь просто лежащие на коленях, хотя, пожалуй, даже чуть выше. Ее черты лица так идеальны, круглое личико, мягкие контуры бровей, еле заметные веснушки между глаз, результат жаркого лета, приятная улыбка, глубокие синие глаза. В общем, я пленен. Не знаю, как в этот момент я выгляжу в ее глазах, я только знаю, что мы оба подаемся вперед, и наши лица сближаются со скромной ухмылкой, пока губы не соприкасаются, и я не протягиваю руку, чтобы дотронуться своей ладонью до ее щеки. Боги, это неопишимо, мы целуемся, кажется, целую вечность и еле перестаем. В машине меж тем негромко поет Sam Smith:

«I'm covering my ears like a kid,

When your words mean nothing,

I go la la la...»

Я ощущаю странное чувство, будто готов просидеть с ней в машине до следующей жизни, настолько мне тут с ней хорошо...

Нежно попрощавшись и выбравшись из ее логова сказок в эту буквальную быль, оторвавшись от прекрасного, я бреду в состоянии огретоного обухом по голове, как ненормальный, до метро. Я запрыгиваю в вагон и, врубив музю в наушниках, начинаю вникать в то, что вообще со мной произошло, смакую этот момент. Людям ведь всегда свойственно все драматизировать, особенно когда ты молод и хочется чтобы жизнь была как у, мать его, Сиды Вишеса

или Мика Джаггера. Поняв, что я натурально влюбился, я улыбаюсь, так как никогда в своей жизни и пропадаю в одном из сотен перегонов нашей необъятной подземки.

* * *

Эта осень, как и любая другая, оказывается шальной, но она не похожа на ту, в которую мы с моим товарищем жгли чужеродную флору, нет, она другая. Но и этого достаточно, чтобы понять, что каждая последующая осень в жизни привносит в нее толику какого-то безумия, что опосля вспоминаешь и думаешь «твою ж мать, было ведь такое!». Так получается и в этот раз.

Я занимаюсь своими обычными делами, а именно учебой, спортом и прочими повседневными вещами. Параллельно у меня в душе находятся еще чувства к этой особе, которая не оставляет к себе равнодушным. Каждый день это что-то особенное, как будто вставая утром с постели ты знаешь, что тебя кто-то заранее благословил на то, чтобы этот день оказался самым успешным и прошел с максимальной отдачей и результатом. И я выкладываюсь на полную, чувствую себя абсолютным хозяином собственной судьбы.

Вот ведь какие игры творит химия любви с сознанием человека. Сперва она дает ему себя попробовать, а после, без ежедневного пополнения дозы, позволяет ему угасать, как гаснут миллионы звезд во Вселенной.

Мы с Викторией много общаемся, и уже через неделю она приглашает меня к себе с ночевкой под предлогом того, что она останется дома одна. В мое растленное сознание влезает мыслишка, что дополнительным недосказанным предлогом по умолчанию остается факт, что я просто напросто охуенен во всех своих проявлениях, но я предпочитаю эту причину ей не говорить.

И я жду этот день, это 5-е октября, как узник амнистии. Мы договариваемся о том, что я возьму с собой бутылочку классического Cabernet Sauvignon полусладкого, она же в свою очередь приготовит на ужин что-нибудь вкусненькое. Затарившись предварительно контрацепцией, винчиком, букетом алых роз и хорошим настроением, приведя себя в боевую готовность, я с низкого старта начинаю свое путешествие, которое обещает быть впечатляющим и захватывающим.

Я прихожу немного с опозданием, поднимаюсь на этаж, вхожу в парадную и стучусь в дверь.

При наших первых встречах она говорила мне, что вся эта романтика не для нее, что все эти плюшевые мишки, цветы, открытки и остальные проявления внимания ей до предела параллельны. Ну да... ну да... конечно. Я так ей и поверил. Посему после слова «Привет» я протягиваю ей шикарный букет ярко алых роз, и если вслушаться, то можно услышать, как что-то струится на пол. Быть может, это всего лишь натекло от моих кроссовок, стоптанных по мокрым тротуарам, не знаю. Но я точно чувствую, как искрится воздух между нами, когда я протягиваю этот букет ей. Я в который раз убеждаюсь, что прекрасная половина человечества до безумия равнодушна к таким вот милашествам, чуждым брутальным нам.

Она даже забывает напомнить мне про время, о существовании которого я забыл. Но я вхожу, раздеваюсь, мою руки и прохожу к столу. Комнату наполняет запах спагетти карбонара, которые уже слегка подостыли, но от этого выглядят не менее аппетитными. Основной специей к ним становятся минуты неумолимо надвигающегося разврата. Я сажусь за стол, открываю вино, разливаю по бокалам. Она подает блюдо.

Место, в котором мне выпадает честь иметь ужин с сей особой, представляет собой большую залу с приглушенным светом. Это кухня, гостиная и коридор вместе взятые, которые лишены перегородок, видимо из-за ремонта, и поэтому все кажется таким просторным и приятным, а кухонный стол идет прямо от окна, такой широкой каменной доской с одной опорой на самом краю.

Мы садимся за стол и я приступаю к еде, поскольку специально не ужинал. В любом случае мой не приходящий аппетит и без того пропадает, когда я вижу в чем она одета. Ах да, в чем же она одета... Это строгое черное платье, довольно короткое, без рукавов, с большими декольте спереди и сзади, ну или как там эта фигня у девчонок называется. Да это и не важно, а важно то, что кроме него на ней нет абсолютно ничего. Именно поэтому у меня и пропадает окончательно аппетит, и в итоге общаясь с ней за столом мне приходится буквально вилкой запихивать в себя эту карбонару, заливаясь винишком. Все очень вкусно, но инстинкты притупляют все остальное, поэтому выпив почти все вино, мы продолжаем... Мне в этот момент в голову проникает фраза одного известного в малых кругах исполнителя:

«Помню сунул руку под твоё черное платье, потом наркотики, наркотики, очень приятно...»

— ...родители с сестрой и братом уехали на дачу, я вот осталась, — слышу я от нее, понимая, что, наконец, включаюсь в диалог, пытаюсь взять себя в руки и держать все происходящее в данный момент под контролем.

— Даааа... — с затяжкой протягиваю я, оглядывая квартиру, засасывая при этом спагетти, — Квартира у вас потрясающая, видно, что не классическая планировка, и стол вот этот, и вообще все, — кивая с видом знатока, я пытаюсь плавно отвлечься на какую-то абсолютно левую фигню (хотя получается это, конечно же, самым дебильным и убогим образом), нежели ее соски, отчетливо прорезающиеся сквозь поверхность платья. — Кстати, блюдо просто супер, очень вкусно.

Я тщательно стараюсь собрать себя в кулак, потому бросаю этот набор слов, абсолютно не имеющий ничего близкого к тому, что в эту ночь намечается в этой квартире. Вика в ответ кокетливо вещает о том, как получилось сделать такой ремонт, когда они сюда переехали и чего ожидают в будущем. Я, честно говоря, слушаю ее вполоуха. Пытаясь перевести разговор все же во что-то романтическое и адекватное, я предлагаю:

— Вик, слушай, позволь спросить тебя, как девушку, мнение которой мне очень интересно узнать. Как ты считаешь, каким на твой взгляд должен быть мужчина, в принципе, или же мужчина твоей мечты?

Возникает некая пауза в течение которой слегка подвыпившая Вика, изначально затеявшая весь этот сегодняшний тест-драйв, сидя напротив меня, под столом протягивает свои ноги ко мне, и, нежно ведя их по моим, ставит свои пяточки на мои колени. После этого, как вы понимаете, кусок мне в горло не лезет.

— Мне кажется, мужчина... — кокетливо возведя взгляд куда-то к потолку начинает Вика. — Должен быть сильным, воспитанным, заботливым... — медленно растягивая слова она, сидящая напротив меня в такой позе, закручивая рукой свои локоны и покусывая губы, явно не хочет, чтобы мы сегодня учили уроки или занимались разбором основ термодинамики, пусть даже воздух между нами искрит, поэтому последующие произнесенные эпитеты остаются моим сознанием вне себя.

Все, что начинает происходить после моего вопроса потихоньку перерастает в окончательно инстинктивные реакции, движения, слова, а точнее звуки. Это момент абсолютного забвения. Мы потихоньку сближаемся, начинаем целоваться, и следующее, что я помню, это как мы кувыркаемся в спальне ее родителей на большой мягкой постели в темноте. Мы полностью голые, я ласкаю ее рукой, при этом нежно целую все тело. Я отдаю себе отчет, что этого пресловутого Sauvignon'a во мне сейчас сидит слишком много для того чтобы произвести какие-то активные боевые действия. Она попутно шепчет мне в ухо самые милые слова, которые я только слышал в своей жизни.

Не буду рассказывать вам все детали этой ночи, но скажу одно точно — после этого она останется в моей голове навсегда, как будто выгравировалось все до последнего сюжета в закоулках моей памяти, или было сделано тату, или загрузились терабайты информации на мою

подкорку. Вот только я отчетливо запомнил то, насколько эта ночь знаменательна и бесконечно нежна. Попутно в ней происходит секс, неудачный секс, оргазм – ее, мой. Постоянные ласки, обнимашки, поцелуи, даже ванна с джакузи, в которой после всего вышеперечисленного мы лежим на спине, я снизу, она на мне, и обсуждаем все, что только приходит в голову.

Я просыпаюсь через пару часов после того как уснул. На улице уже начинает светать и оттого свет, проникающий сквозь прозрачные узорчатые шторы, наполняет комнату содержимым, которое при нем становится различимым. Я лежу на боку в одной простыне на бедрах и любуюсь этим совершенным существом, свернувшимся клубком рядом, кажется, пришедшим из других совершенных миров, вырванным из книг, специально явившимся в этот мир, чтобы подарить мне смысл.

Я еще долго лежу, мечтая остаться в этой постели навечно, и смотрю на нее, пока она не проснется.

Мы чудесно проводим это воскресное утро вместе, я учу ее играть на гитаре, она рассказывает мне про книги, которые она прочла недавно, и про то, что ей интересно в этой жизни. Потом мы мило прощаемся, и она довозит меня до Юго-западной.

Все последующие счастливые дни проходят как в тумане, словно я «ширнул по вене любовь, чуть с заражением блядства» и забылся. Порой я действительно хочу так сделать, правда судьба не дает мне такой возможности. Обычно это либо передоз, либо плохой товар, либо товар, который и сам не знает товар он или не товар, как ему вариться и как вливаться в кровь. Одним словом, беспонтовый, некачественный. Я даже не догадываюсь, что после этой встречи моя жизнь раз и навсегда изменится.

Still loving you...

*Услышишь и сотри мой голос, забудь мой адрес
Да тут и без джаза дождливый август
Знаешь, там, где любовь и радость
Там боль и зависть, не так ли, Фауст?*

(с) Василий Михайлович. «Я или ты»

«Давай встретимся на Шаболовке, нам нужно поговорить» высвечивается последняя фраза в WhatsApp от нее. Сперва я не придаю ей особого значения, хотя, следовало бы.

Последние две недели оказываются из ряда вон выходящими. После той ночи, когда Вика стала моим ангелом, я постоянно хочу большего. Все свое время я трачу на то, чтобы выцепить ее, вытащить и побыть наедине, или же просто зацеловать где-нибудь в уголке. Хочется быть с ней вдвоем, быть с ней рядом, и чтобы она была со мной. Это ведь так просто: ты, она – соитие...

Но все не так, Вика постоянно занята чем-то: то семейными обязанностями, то встречей с подругами, то делами, то учебой, то спортзалом. Спортзал? Серьезно?! А то чем мы занимались тогда, в ту ночь, это разве не похоже на вид спорта? Самый древний на планете...

Она меня явно избегает, и я это понимаю. Я навязываюсь – она ускользает, я приближаюсь к ней – она отдаляется. Это невыносимо. Куда делась та романтика, те многозначительные взгляды, которые мы бросали друг на друга на парах, те секундные поцелуи, которыми мы умудрялись обмениваться между ними, при этом оставаясь в тени? Она чертовски хороша по сравнению со мной и никто не может открыть мне глаза на то, насколько я в действительности зависим, подвластен и одержим этим крайне животным чувством. Видимо человеческое существо всегда стремится быть слабым, выбирать путь наименьшего сопротивления, ведь так гораздо проще. Сразу можно рассчитывать на то, что тебя пожалеют. А ты ведь, сука такая, еще и жалости хочешь.

Как бы там ни было, она селится на станции Динамо и активно дает мне понять, что у нее нет на меня времени. Ах да, еще это гребаное правило! Мы решили, что не будем показывать, что у нас отношения. Какой же я идиот! Какой человек решит не показывать свои чувства, если они есть? Только тот, кто начинает играть несерьезно и хочет, чтобы если что-то пойдет не так, быстро и безболезненно слить партнера. Это со мной и происходит. Еще этот Ванек, сокурсник, прознавший о моей ситуации, как специально прямо-таки сдирает на лекции мои розовые очки, выдавая нечто вроде:

– Братан, ну очевидно же, что она хочет с тобой встретиться, чтобы расстаться.

Бляха, Ваня. Вот нахрена ты это говоришь? Понятно, что, правда глаза колит, но вот только я бы предпочел не знать время своей смерти заранее. Я даже разбиваю кулаком кафель на стене в своей ванной, досадуя от осознания очевидной житейской истины, что мужчина не может жить только без той женщины, которая может жить без него. Эта нестерпимая боль... и не оттого, что ты разбил кулак об кафель и капли цвета вишни падают в раковину. Нет, это иное, что отрезвляет тебя впоследствии. Это очередной катарсис нового качественного уровня – вечная история моей жизни. От него течет скупая мужская слеза и перманентно ноет в груди.

Неважно. В итоге я жду этой субботы как своего судного дня. Наконец-таки мы проведем этот вечер вместе, думаю я. Но разум подсказывает, как именно все произойдет.

* * *

Я подкатываю к Шаболовской. На часах что-то вроде семи часов, как и договаривались, однако ее еще нет. По станции блаженно идут несколько персон. Один парень, который явно напоминает его лишь отдаленно, и девушка рядом. Вдалеке маячит еще кто-то, но я перестаю его рассматривать, потому как из-за колонны наконец показывается Вика, а поезд, на котором она приехала, с лязгом закрыв двери и загудев, начинает постепенно исчезать в тоннеле.

– Привет, – произносит она мило, и в лучших современных традициях, чмокает меня в губы.

– Привет, – сухо брякаю я, явно не ожидая такой легкости в ее поведении. Мы ведь все полагаем, что всякие важные для нас моменты в жизни должны происходить эпично, а в итоге даже твой первый секс напоминает собой скорее игру в твистер, заранее проигранную обоими участниками.

«Может все не так как рисует мне мое чутье?» думаю я.

– Ну что, пошли? – предлагает она, и мы, дойдя до эскалатора, начинаем медленно по нему подниматься. Вика рассказывает мне все это время, как она замечательно проводила сегодня время, что ей говорили ее подруги, в чем они, по ее мнению, не правы, и свое видение правды. Я аккуратно воздерживаюсь от комментариев на этот счет.

У Вики очень живой внутренний мир и она всегда умеет себя преподнести. У нее хорошо поставлена речь, она всегда может подобрать нужные слова, изящно жестикулируя. Все в ней кажется крайне приятным и привлекательным, что не может меня не влюблять в нее. Я рассудительно это подмечаю, но не могу не смотреть на нее завороченно, подавляя в себе все инстинкты, которыми мой организм пытается привести меня в чувство, на молекулярном уровне сообщая мне, мол «чувак, все постанова, мужайся, скоро тебя поймеют». Brace yourself, something is coming. Но я не могу ничего поделать с этим.

Выбравшись буквально из-под земли, мы решаем зайти в ближайшее кафе, Шоколадницу, на углу соседнего дома. Пока мы проходим эту дистанцию я обращаю внимание на одинокого музыканта, который стоит на площади рядом со станцией и пронизывающим глухим тоном человека, у которого нет слуха, поет строчки группы «Сплин»:

«Сколько лет прошло, всё о том же гудят провода,

Всё того же ждут самолёты.

Девочка с глазами из самого синего льда

Тает под огнём пулемёта.

Должен же растаять хоть кто-то»

А глаза у нее и впрямь из самого синего льда...

Заходим, раздеваемся, садимся, заказываем кофе. Я сижу как-то неуверенно, положив локти на стол, слегка сгорбившись, и с чувством человека, у которого остались считанные минуты до приведения смертного приговора в исполнение, осознаю всю свою незначимость и никчемность. Я противлюсь этой беспомощности и пытаюсь привести себя в чувство, начиная общение первым:

– Ну, так что? Как твои делишки? Что нового вообще произошло с тобой за те дни, что мы с тобой не виделись?

Я стараюсь с интересом смотреть ей в глаза, натурально улыбаться и заглушить свой внутренний голос. Видимо вживаться в роль у меня получается также плохо, как и быть отличником. Наверное, все-таки нужно было начать употреблять героин, чтобы к сегодняшнему дню уже сторчаться. И как это я так, думаю я с иронией про себя? Видимо выбрал не тот стул. Все эти мысли посещают меня, пока я наблюдаю такое же наигранное, как мне кажется, участие ко мне с противоположной стороны.

– Ой, все замечательно, вчера ходили с Илонкой на выставку, посвященную Антонио Гауди. Ты наверное знаешь, это известнейший испанский архитектор, многие работы которого представлены на улицах Барселоны...

И она начинает описывать, как они с однокурсницей полдня провели в этом центре искусств черт знает где, что там было и как это было. А я сижу с натянутой улыбкой и инстинктивно киваю, словно я полностью с ней солидарен. Но это не так.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.